

В АВГУСТЕ 1976 года Куйбышевский драматический театр имени М. Горького гастролировал в Москве. На столичной сцене Вера Александровна, тогда народная артистка РСФСР, играла Гертруду в шекспировском «Гамлете» и Хануму в музыкальном спектакле «Проделки Ханумы» А. Цагарели. «городничиху» Марию Сергеевну Щелканову в «Золотой карете» Л. Леонова и Фататибу в «Цезаре и Клеопатре» Б. Шоу.

С одной из работ актрисы познакомило свою многомиллионную аудиторию Центральное телевидение, показав куйбышевский спектакль «Старомодная комедия» А. Арбузова. Через некоторое время в театр стали приходить письма: из столицы и маленьких поселков, из Прибалтики и Сибири, от врачей и военнослужащих, от искусственных театралов и совсем молодых людей — письма Вере Александровне Ершовой и ее партнеру по спектаклю Михаилу Гавриловичу Пазареву. В этой почте не только слова благодарности за пережитое волнение и радость, но и стремление разобраться в природе этого волнения, раздумья о месте театра в жизни, о смысле актерской профессии. Шли письма телезрителей и на Центральное телевидение с просьбой еще и еще раз показать куйбышевскую «Старомодную комедию». Откликался на эти просьбы, Центральное телевидение «бисировало» спектакль три раза.

Артистическая жизнь Ершовой складывалась счастливо. Отлично училась, с успехом дебютировала в Курске и быстро стала любимицей публики. Война прервала плавное, размеренное течение жизни. В 1943 году Веру Ершову пригласили на работу в куйбышевскую драму. И снова успех, доверие и любовь публики. Впрочем, успешно начинают многие. Испытание успехом и временем выдерживают далеко не все. В последние годы обнаружилось с особой отчетливостью: каждую новую работу Ершовой зрители ждут. Ждут с надеждой и живым интересом. В чем тут секрет? Ведь актрису так давно и хорошо знают в городе. Вопрос это не простой. И не праздный.

Много лет в репертуаре куйбышевского театра сохранялся «Милый лжец» Д. Килты (режиссер Т. Дунаевская, художник Н. Владимиров). В этом спектакле Вера Ершова и народный артист РСФСР Александр Демич играли Стеллу Патрик Кемпбел и Бернарда Шоу. В спектакле каждый из этих героев живет своей, отдельной, очень нелегкой жизнью. Им нельзя быть вместе, единственный вид общения, которого их не могут лишиться — письма. В письмах этих — смятение сердец, приговоренных к одиночеству, история их любви, в которой радость неотделима от горечи. И за всем этим интереснейшая, сложная, трагическая фигура великого английского сатирика...

По-настоящему вникаешь в смысл происходящего на сцене, когда наблюдаешь, как Шоу говорит и как Стелла его слушает. Вот голос Шоу — Демича звучит ворчливо, порой грубо, опускаются брови, чтобы прикрыть глаза, а улыбка Стеллы все неукротимее, и нежнее восхищение в ее словах: «За что вам дан такой ум...»

Актриса убедительно и изящно, взволнованно и точно прожила жизнь Патрик Кемпбел: и праздник творчества, любви, и одинокую старость, и долгую изнуряющую борьбу за право оставаться собой.

В биографии Ершовой эта победа была закономерной. Большинство зрителей она впервые открыла широту своего творческого диапазона.

Существовало традиционное представление о Ершовой-героине. Старые театралы помнили первые ее роли на куйбышевской сцене: Софию в «Горе от ума», Ирину в «Трех сестрах». Помнили Негину в «Талантах и поклонниках» во всем обаянии молодости, красоты, душевного изящества. Для другого поколения зрителей Ершова была королевой из драм Шекспира и Шиллера. Могло показаться, что ее успех — результат великопознанных данных, природной одаренности и только. Зрителям, быть может, и не следует знать о цене артистического успеха, о мучительных поисках, вечной неуверенности, неустанной работе, о подвижнической жизни, когда рабочий день начинается в момент утреннего пробуждения, продолжается на репетициях, а заканчивается...

Всего этого не увидишь, не услышишь из зрительного зала. Зато зрители видели, как Ершова играла Елену Стиляно («Моя семья» Эдуардо де Филиппо), Елизавету — умную и жестокую английскую королеву в «Марии Стюарт». Интереснейшие открытия в таких ролях уже не объясняли счастливым совпадением роли и актерской индивидуальности. А потом был спектакль «Странная миссис Сэвидж» Дж. Патрика, и опять «новая Ершова» в заглавной роли.

Миссис Сэвидж — Ершова появляется на сцене, тоскливо и недоверчиво осматри-

люди искусства

ИСПЫТАНИЕ УСПЕХОМ

Эдит ФИНК,

кандидат филологических наук

ваясь вокруг. У нее удивительная походка — так ходят по болоту, при каждом шаге нащупывая точку опоры и все же не доверяя кажущейся твердости почвы. Ее появление в «Тихой обители» — расплата за попытку жить по-своему, подчиняясь голосу сердца. Миссис Сэвидж растеряна, испугана, оскорблена, в ее словах прорывается острая боль. Но вот появляются ее мучители — и милая, робкая, чудакватая старая леди становится дерзкой, непреклонной и насмешливой. Спокойствие и сдержанность даются ей трудно, но голос крепнет, в нем звучит какая-то скорбная торжественность: «Лили Белл, я тебя не выпущу». Ненависть придает миссис Сэвидж силы: ее вычеркнули из жизни, но она не сдается.

Если бы можно было поставить рядом двух героинь Ершовой — Стеллу с ее величавой осанкой и пленительным изяществом и миссис Сэвидж — настороженную, с пугливой улыбкой, в нелепой шляпке, всю из острых углов... Какой был бы разительный контраст! И какая глубинная духовная общность в способности разделить чужое горе и чужую радость, понять, почувствовать внутренний мир другого человека.

Так высокий профессионализм, артистизм, отличающие каждую работу Ершовой, становятся ее человеческой темой в искусстве. Эта тема по-разному звучит, неоднородно преломляется в различных ее ролях. И в этой сложности актрисы к внешнему и внутреннему перевоплощению одна из причин неизменного зрительского к ней интереса. Не все в равной степени удается ей, но она всегда очень тонко чувствует жанровую, стилистическую природу спектакля, режиссерский замысел.

Казалось бы, в водевиле Ершовой появляться противопоказано — такая серьезная актриса со сложными, убедительными психологическими ходами... Но вот донья Лаура в «Тогда в Севилье» С. Алешина — какая блестящая комедийная работала! Мать взрослых дочерей, вполне достойная матрона, хозяйка дома в нарядном туалете и в очках, с вязаньем, бабушка, которой хочется остаться женщиной, победить, пленять. И это так по-человечески понятно и в то же время так смешно и грустно! Неожиданно кокетливый взгляд поверх очков и тонкий смешок — то ли стыдливый, то ли победоносный, и клубок шерсти, танцующий в пальцах, — очень уверенный, мастерский рисунок: острый, легкий, но в нем объемность образа...

Событием в творческой жизни актрисы стала роль, которая потребовала от нее огромного напряжения всех сил и способностей, использования всего накопленного актерского и человеческого опыта. Это роль Толгонай в «Материнском поле» Ч. Айтматова. Особенность куйбышевского спектакля (режиссер — народный артист РСФСР П. Монастырский, художник — И. Менделевич) в том, что это исповедь, душевный, доверительный разговор со зрительным залом о большой человеческой жизни, в которой и радости, и горя было через край. Но эта история жизни Толгонай, воспроизведенная с живой, зримой, вечной силой.

Колоссальная трудность для актрисы — в скупое сценическое время вместить такую жизнь. Жизнь с самыми великими ее дарами: Любовью, Материнством, Хлебом и с самой большой болью — Войной, Предательством, Смертью. Но еще более сложная и необычная задача — мгновенность переходов от воспоминаний, размышлений, прямо обращенных в зрительный зал, к непосредственному переживанию, к сценам жизни Толгонай, а от этих мгновений, порой радостных и светлых, порой мучительных и горестных, снова к раздумьям... Эти специфические профессиональные трудности актриса преодолела, глубоко проникнув в существо характера Толгонай.

...Марья Сергеевна Щелканова, «городничиха» из «Золотой кареты» Леонова, приходит в дом Непряхиных поздним ненастным вечером. Она приветлива, деловита, держится с непринужденной уверенностью человека, привыкшего жить на людях и для людей. Но как бы тень затаенной тревоги или какое-то недоброе предчувствие живет в ней.

Ершова так играет Марью Сергеевну, что характер героини «Золотой кареты» оказывается неподвластным любым законченным определениям: он изменчив и многогранен.

— Это правда? Так это было? — женский голос, который звучал уверенно и властно, становится ломким, звенящим. Марья Сергеевна хочет знать правду о своем муже и бонится ее узнать, молчание Березкина становится ей не под силу. Она срывается с места и бежит через всю сцену — она должна увидеть глаза полковника Березкина. Узнав самое худшее, найдя подтверждение самым горьким своим догадкам, Марья Сергеевна не кричит, не плачет, не молит Березкина о пощаде... В ее печали удивительное достоинство и мужество. Она несчастлива, но это не потушило блеска в ее глазах, не сделало бесцветным голос, в котором и сейчас звучат низкие виолончельные ноты. В ней нет прямолинейности чем-то обделенного человека, сделавшего из своего несчастья жизненную позицию.

Быть может, именно здесь разгадка того, что она выстояла, не разбилась, когда потеряла любимого человека, когда поняла, что отец ее дочери — существо ничтожное и бесчестное. «Идите к людям», — говорит она Тимоше, и это не азбучная расхожая истина, это голос раненного страданием мудрого сердца. И можно ли сказать такой женщине, что она несчастна?

В этих ролях с какой-то пронзительной чистотой открылось обаяние искусства Ершовой. Это артистизм, подлинный профессионализм, умение слушать зал, партнера, время... За каждой ее ролью просвечивает идеал актрисы, отвечающий какой-то очень насущной духовной потребности зрительного зала.

Театр — вся жизнь Веры Александровны Ершовой. Такой театр, который несет людям душевное здоровье и сердечное тепло, утверждает красоту и ценность человека и его дела.

● Народная артистка СССР В. Ершова.

Фото З. Брайнина